

Библия и художественная литература англо-американского модернизма (на примере творчества Т. С. Элиота и Э. Паунда)

Данченко А. К.

Белорусский государственный университет, Минск

Исследование диалога с Библией в художественной культуре англо-американского модернизма на примере творчества Т. С. Элиота и Э. Паунда необходимо для более полной характеристики художественной культуры Англии и США XX в. Наиболее ярко диалог с Библией представлен на зрелом и позднем этапе творчества Элиота и на раннем этапе творчества Паунда. Основной способ реализации диалога в их творчестве – включение в текст таких элементов интертекста, как цитаты, аллюзии и реминисценции. Рецепция библейских образов и мотивов в лирике Элиота и Паунда имеет свою специфику. Из всех библейских текстов для Элиота наиболее значима Книга Экклесиаста, для Паунда – Книга Притчей Соломоновых, Книга Экклесиаста и Песнь Песней. Как у Элиота, так и у Паунда библейские мотивы, аллюзии и реминисценции становятся своеобразным «кодом», позволяющим глубже прочитывать произведения поэтов и вскрывающим более герметичные, завуалированные смыслы их текстов. Специфической особенностью функционирования библейского «кода» становится обращение к культурным смыслам Востока и язычества.

Ключевые слова: англо-американский модернизм, Библия, библейский «код», образы, мотивы, аллюзии, Экклесиаст, Песнь Песней, Книга Притчей Соломоновых, метатекст, интертекст, культура, художественная литература, Элиот, Паунд.

The Bible and Literature of Anglo-American Modernism (Based on T. S. Eliot's and E. Pound's Works)

Danchenko A. K.

Belarusian State University, Minsk

Analysis of the dialog with the Bible in Anglo-American modernist literature on the example of T. S. Eliot and E. Pound's works is important for a deeper description of English and American culture of the XXth c. In the middle and late periods of Eliot's poetry and in the early period of Pound's poetry the dialog is represented more brightly. The principal way of its implementation in the key works of these poets is inserting of allusions, reminiscences and citations as intertextual elements. Reception of biblical motifs in such texts has its own specificity. The most important biblical text for Eliot is Ecclesiastes and for Pound such texts are Book of Proverbs, Ecclesiastes and the Song of Solomon. In Pound's works as in Eliot's biblical motifs, allusions and reminiscences become a specific «code», which lets understand poetic texts more deeply and discloses more hermetic, disguised meanings. The turn to oriental and pagan cultural meanings becomes the peculiarity of functioning of the biblical «code».

Key words: Anglo-American modernism, the Bible, biblical «code», images, motifs, allusions, Ecclesiastes, the Song of Solomon, Book of Proverbs, metatext, intertext, culture, literature, Eliot, Pound.

Рецепция библейских образов и сюжетов является предметом рефлексии в рамках культурологии, искусствоведения, литературоведения, философии в работах разных исследователей. Среди крупных ученых, в чьем поиске Библия занимает первое место, на постсоветском пространстве самое значимое имя – С. С. Аверинцев [1–3]. В Беларуси серьезным исследованием рецепции Библии в мировой культуре занимается Г. В. Синило, что представлено в ее трудах «Танах и мировая поэзия» [4], «Экклесиаст и его рецепция в мировой культуре» [5; 6], «Песнь Песней в контексте мировой культуры» [7]. Однако диалог с Библией еще не рассматривался отдельно в поле модернизма, англо-американского в частности, как в отечественной, так и в зарубежной науке, что определяет новизну данного исследования. Англо-американский модернизм, ярко репрезентирующий модернизм в целом, представляет большое разнообразие библейских мотивов в музыке и живописи. Существенный пласт библейских аллюзий содержит художественная литература англо-американского модернизма. Исследование диалога с Библией в литературе англо-американского модернизма необходимо для более полной характеристики как англо-американского модернизма, так и последующих феноменов художественной культуры Англии и США XX в. Это утверждает актуальность данного исследования.

Цель данного исследования – выявить специфику рецепции библейских образов и мотивов в литературном творчестве представителей англо-американского модернизма.

Художественная литература англо-американского модернизма представлена, на наш взгляд, прежде всего творческим наследием Т. С. Элиота, Э. Паунда и У. Льюиса [8]. Специфика их теоретических исканий, эстетических взглядов и творческого пути обусловила наш выбор рассматриваемых здесь текстов. Так, для Элиота христианство, а значит и Библия, есть одна из важнейших традиций западноевропейской культуры, фундамент европейской цивилизации. Значимость Библии как одной из опор существующей цивилизации поэт наглядно продемонстрировал и в художественном творчестве. Библейский пласт интертекста, наряду с дантовским и шекспировским, является одним из основных в творчестве Элиота; особенно важен он на зрелом и позднем этапе творчества поэта. Паунд противопоставлял свое мировоззрение христианству, отрекался от него и склонялся скорее к язычеству, если не в реальной жизни, то в мире искусства и поэзии. Тем более специфичным предстает диалог с Библией, особенно ярко развертывающийся в ранней лирике поэта, для которой в целом характерны элементы неоромантизма, символизма, мистицизма и катарсические прорывы к Божественному. Что касается творчества Льюиса, диалог с Библией, на наш взгляд, наиболее свойственен его живописи, нежели словесному творчеству, для которого характерны высокий интеллектуализм и значительная политизированность (что присуще также зрелому и позднему этапам творчества Паунда). Это не оставляет места для развертывания возвышенных символов, в том числе библейских, на страницах произведений Льюиса. В связи с этим исследование произведений Льюиса остается за пределами данной статьи.

Исследование поэтического наследия Элиота и Паунда позволило определить, что наиболее значимой Библия является для зрелого и позднего этапов творчества Элиота и для раннего этапа творчества Паунда.

Диалог с Библией в творчестве Т. С. Элиота. Достижения и характерные особенности зрелого этапа творчества Элиота аккумулирует в себе поэма «Бесплодная земля». В ней присутствует ряд библейских аллюзий и мотивов: мотивы Экклесиаста, аллюзии на Книгу пророка Иезекииля, на Евангелия от Матфея и от Марка, на Откровение Иоанна Богослова, и роль их весьма существенна.

На наш взгляд, наиболее ярко диалог с Библией в «Бесплодной земле» представлен мотивами Экклесиаста. Среди них можно условно выделить мотив круговорота всего сущего, мотив бренности бытия и мотив тщетных поисков смысла бытия.

Одним из ключевых для понимания произведения является мотив повторяемости всего сущего. Он реализуется у Элиота различными способами: через мифологему умирающего и воскресающего бога, символизирующего плодородие, через включение в контекст христианского сюжета о распятии Христа, через символ игры в шахматы и некоторые другие символы. Четвертая часть поэмы, «Смерть от воды», содержит ряд символов, непосредственно указывающих на круговорот, повторяемость существеннейших процессов – жизни и смерти. Самые очевидные из этих символов – водоворот (whirlpool) и рулевое колесо (wheel), многозначное слово, которое может переводиться как «колесо» и как «штурвал». Представляется возможным связать символы водоворота и колеса с колесом сансары (санскритское «блуждание»), «круговорот», «переход из одного состояния в другое»; ср. «Не

passed the stages of his age and youth» – «Он проходил периоды своей старости и юности»), что в индийских этико-религиозных представлениях есть суть бытия, заключающаяся в бесконечной повторяемости смертей и рождений, воплощений душ в разных состояниях и формах.

Мотив бренности бытия неразрывно связан с идеей смерти-в-жизни и призван, наряду с мотивом повторяемости всего сущего, полнее раскрыть ее. Мотив бренности бытия реализуется в произведении через образ Кумской Сивиллы, через аллюзии на Книгу пророка Иезекииля, посредством образов, напрямую заимствованных из Экклесиаста, через образы разрушающегося города и падающего моста, а также на лексическом уровне: в поэме присутствует лексика, отсылающая к образу смерти (dead, died, dying, death, corpse, bones). Книга пророка Иезекииля и Экклесиаст являются одновременно интертекстом и метатекстом по отношению к поэме. Мотив бренности бытия раскрывает мироощущение современного Элиоту человека как трагическое в связи с утратой духовных ценностей и оснований, связей с традицией. Мир предстает в его глазах разорванным и хаотичным; культура и сам человек, утративший духовность, обречены на гибель.

Мотив тщетных поисков смысла бытия неразрывно связан с образом бесплодной земли, которая символизирует одновременно гибнущую цивилизацию и состояние внутренней опустошенности и разорванности человека.

Комментируя значение библейских смыслов в творчестве поэта, Е. Фейгина пишет: «Для Элиота мифологическая и библейская образность создают важнейший пласт текста. Они предстают как намеренно разъединенные, разорванные части важного сообщения, которое порой и понять-то без комментария невозможно. Но именно эти образы являются опорными смыслообразующими структурами» [9]. Библейские мотивы, преобладающие в поэме, подводят читателя к сюжетному, композиционному и смысловому финалу произведения (выраженному религиозно-философской формулой на санскрите), претворяясь в мифологему восточной культуры, как бы приоткрывая ее для сознания европейского читателя, позволяя осмыслить данную мифологему и одновременно углубить восприятие текста. Заметим, что сходную функцию экклесиастовский мотив круговорота выполняет в четвертой части поэмы, где посредством библейского пласта текста акцентируется внимание на понятии сансары, что также углубляет смысл текстового фрагмента и всего произведения в целом. Библейские аллюзии и мотивы, в особенности мотивы Экклесиаста, представляют собой своеобразные ремарки, ключи к пониманию «Бесплодной земли», включающиеся в текст в каждой его части. Данные ремарки поясняют нам основные идеи, заключенные в произведении американского поэта. Это дает основание утверждать, что Библия, в частности, Книга Экклесиаста, выступает как метатекст по отношению к поэме «Бесплодная земля».

Основной функцией элементов диалога с Библией здесь является углубление и расширение ключевой идеи произведения, согласно которой гибель цивилизации обусловлена духовным падением человека, разорванностью его внутреннего мира, в котором преобладает чувственное начало.

Итогом творческого пути и произведением, содержащим характерные особенности поздней лирики Элиота, является поэма «Четыре квартета». В результате проведенного анализа данного текста мы пришли к следующим выводам. Диалог с Библией осуществляется здесь посредством включения в текст библейских образов, символов и мотивов. Это традиционные мотивы Экклесиаста, образы-символы лотоса и сада роз (отсылки к Песни Песней), плоти и крови (реминисценции из евангельских текстов), образ единства огня и розы (аллюзия на Ветхий – Неопалимая Купина – и Новый – Святое семейство – Завет). Комментируя финал произведения, К. МакНелли Кернз пишет: «Образы, завершающие поэму, близки многим оккультным и эзотерическим традициям, от буддийской Огненной проповеди до гностических традиций розенкрейцеров, персидских и, позже, суфийских представлений о мистической любви. Все эти значения группируются вокруг идеи Логоса как закона бытия. Постичь этот закон возможно, однако эта возможность стоит «не меньше, чем все на свете». <...> Поэма может прочитываться по-разному и неоднократно, и постижение мудрости, о которой в ней говорится, может длиться всю жизнь и ни в коем случае не должно ограничиваться какой-то одной культурной традицией» [10, с. 34]. Заметим, что библейские мотивы органично вплетаются в контекст произведения и наряду с иными темами и мотивами формируют представления лирического героя об истине и мироустройстве, поднимая эти представления высоко над какими бы то ни было монокультурными взглядами. Более того, на данном этапе творчества поэта библейские мотивы предстают как некий «код», включающий в плоть текста философские категории времени и бытия, его смысла, и одновременно тот же библейский «код» является ключом,

позволяющим распознать эти категории и осмыслить их. Еще раз подчеркнем, что данные категории сопряжены с образами и концептами различных культур и религиозных традиций, в особенности с древнегреческой культурой, суфизмом и буддизмом, т. е. с Востоком в широком смысле.

Библейские аллюзии в лирике Э. Паунда. Диалог с Библией в творчестве Паунда, в ранней лирике в частности, представлен достаточно широко, что во многом обусловлено характерной для этого периода символичностью произведений, тяготению к романтическому идеалу художника-творца и его особой миссии, а также представлениями поэта об обновлении поэтического языка и особой роли мифологического сознания, реализованного в текстах с помощью мифологических образов и мотивов различных культур.

Наиболее ярко диалог с Библией проступает в следующих стихотворениях: «La Fraisne», «Ответы Фифины», «In Tempore Senectutis», «Vana», «Баллада мрака», «Ночная литания», «Partenza Di Venezia», «Occidit», «В духе Беддоуза». Х. Уайтмайер пишет: «Паунда... привлекал фантастический, неоромантический идеал. Так, многие его ранние стихотворения пробуждают мистический божественный воображаемый мир, повторяющиеся элементы которого представлены бесплотными духами, магическими метаморфозами, отраженным светом, вдохновляющими ветрами и символическими кристаллами» [11, с. 45]. К этим словам добавим – и библейскими образами. Диалог с Библией осуществляется посредством включения в тексты определенных интертекстовых элементов, а именно синтаксических и лексико-грамматических структур, образов, мотивов, прямых цитат и парафраз. Такие элементы появляются в тексте в значимых для его художественного облика, ключевых местах, определяющих дальнейшее разворачивание образов и смыслов, или в паратексте, определяя стилистику и семантический фон стихотворения. Интертекстовые элементы выступают как «код», позволяющий глубже прочитывать произведение и вскрывать заключенные в нем концепты, нередко контрастирующие с самим «кодом». Библейский «код» в ранней лирике Паунда функционирует как легко узнаваемый смысловой пласт, позволяющий распознавать завуалированные и менее очевидные смыслы, заостряя внимание читателя на ключевых для восприятия текста фрагментах. Помимо этого, в некоторых произведениях библейские аллюзии представлены через призму иных культур и литературных традиций: средневековой («Вийонада на святки», «Ответы Фифины») и романтической («Молитва перед песней», «Баллада мрака»). Из всех библейских текстов, с которыми в произведениях Паунда ведется диалог, наиболее значимыми претекстами становятся Песнь Песней, Книга Экклесиаста и Псалтирь, выступающие как метатексты по отношению к стихотворениям поэта. В некоторых стихотворениях библейские аллюзии раскрываются в последовательности Книга Притчей Соломоновых – Экклесиаст – Песнь Песней. Как видится, это связано с особым восприятием этих книг в христианской культуре. Комментируя подход Оригена, заложившего мистическую и аллегорическую интерпретации Песни Песней в христианской традиции, Г. В. Синило пишет: «...Ориген, в отличие от еврейских мудрецов, полагавших, что Соломон создал Песнь Песней в юности, а затем в зрелости и старости, – Книгу Притчей и Экклесиаст, считает эту последовательность иной: Притчи, Экклесиаст, Песнь Песней. Он связывает две первые книги с изучением этики и природы, и это, с его точки зрения, – две необходимые ступени, предшествующие высшей – созерцанию Незримого, Божественной Тайны» [7, с. 626].

Кроме перечисленного выше в произведениях Паунда особенно значим образ библейского Бога – Творца или Иисуса Христа, а также аллюзии на определенные библейские сюжеты, как ветхозаветные (борьба Иакова с Богом), так и новозаветные (встреча Иисуса с учениками). Для творчества Паунда также характерен синтез библейского и мифологического, языческого. Библейский «код» тесно смыкается с языческими образами и мифологемами, древнегреческими, индоиранскими, т. е. восточными в широком смысле, и западноевропейскими, как бы раскрывая перед читателем смысл и тех и других, возвращая им статус культурных основ и обновляя их ценность перед лицом современности, утверждая их значимость в веках. При этом полностью отсутствуют какие бы то ни было элементы пародирования или иронии над библейскими претекстами. Напротив, Библия предстает как один из эстетических идеалов поэта на раннем этапе его творчества, как одна из основ современной культуры, переосмысление которой заключается не в отрицании ее статуса, а в многократном обращении к ней с целью обновления поэтического языка, художественной системы и семантического поля современной культуры.

Заключение. Художественная литература англо-американского модернизма рассмотрена в ракурсе диалога с Библией, что ранее не осуществлялось. Диалог с Библией в художественной литературе англо-американского модернизма представлен в творчестве Т. С. Элиота и Э. Паунда и

реализуется посредством включения в поэтические тексты таких элементов интертекста, как цитаты, реминисценции, аллюзии. Для творчества Элиота особую значимость имеет библейская Книга Экклесиаста, выступающая как метатекст по отношению к произведениям поэта. В творчестве Паунда существенную роль играют библейские Книга Притчей Соломоновых, Песнь Песней и Экклесиаст, также выполняющие функции метатекста для стихотворений поэта. Как у Элиота, так и у Паунда библейские мотивы, аллюзии и реминисценции становятся своеобразным «кодом», позволяющим глубже прочитывать произведения поэтов и вскрывающим их более герметичные, завуалированные смыслы. Так, в творчестве Элиота диалог с Библией сопряжен с культурным полем Востока, в творчестве Паунда – с культурным полем Востока и западноевропейского язычества. Библейский «код» вскрывает эти пласты смысла, позволяя европейскому читателю прикоснуться к темам если не новым, то как минимум нетрадиционным (Восток), и обновить в памяти давно забытые культурные смыслы (язычество). Таким образом, специфика рецепции библейских образов и мотивов в художественной литературе англо-американского модернизма состоит в том, что именно они выступают как своеобразный «код», отмечающий обновление культуры западноевропейского типа через поворот к Востоку и возврат к языческим архетипам. Результаты исследования позволяют расширить и углубить общую характеристику культуры XX века и англо-американского модернизма, могут быть использованы при подготовке лекций и практических занятий по дисциплинам «Библия и мировая культура», «История культуры», «История американской литературы», «История мировой литературы», а также при дальнейших исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев, С. С. Древнееврейская литература / С. С. Аверинцев // История всемирной литературы: в 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1983–1994. – Т. 1. – С. 271–302.
2. Аверинцев, С. С. Истоки и развитие раннехристианской литературы / С. С. Аверинцев // История всемирной литературы: в 9 т. – М.: Наука, 1983–1994. – Т. 1. – С. 501–515.
3. Аверинцев, С. С. Премудрость в Ветхом Завете / С. С. Аверинцев // Альфа и Омега. – 1994. – № 1. – С. 25–38.
4. Синило, Г. В. Танах и мировая поэзия / Г. В. Синило. – Минск: Эконом-Пресс, 2009. – 880 с.
5. Синило, Г. В. Экклесиаст и его рецепция в мировой культуре: в 2 ч. / Г. В. Синило. – Минск: БГУ, 2012. – Ч. 1: Предтечи, поэтика, религиозные интерпретации. – 220 с.
6. Синило, Г. В. Экклесиаст и его рецепция в мировой культуре: в 2 ч. / Г. В. Синило. – Минск: БГУ, 2013. – Ч. 2: Экклесиаст в мировой поэзии: от Поздней Античности до Раннего Нового времени. – 543 с.
7. Синило, Г. В. Песнь Песней в контексте мировой культуры: в 2 кн. / Г. В. Синило. – Минск: Экономпресс, 2012. – Кн. 1: Поэтика Песни Песней и ее религиозные интерпретации. – 680 с.
8. Данченко, А. К. Проблема определения англо-американского модернизма: феноменологические границы и специфика / А. К. Данченко // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. Е, Педагогические науки / гл. ред. Д. Н. Лазовский. – 2014. – № 7. – С. 132–135.
9. Фейгина, Е. Э. Монтале и Т. С. Элиот: проблема классической традиции в XX / Е. Фейгина // Сайт филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Feighina.htm. – Дата доступа: 29.04.2010.
10. Kearns, C. McNelly. Doctrine and Wisdom in Four Quartets / C. McNelly Kearns // Bloom's Modern Critical Views: T. S. Eliot – New Edition – New York: Infobase Publishing, 2011. – P. 23–35.
11. Wittemeyer, H. The Poetry of Ezra Pound / H. Wittemeyer – Los-Angeles: University California Press, 1969. – 220 p.

Поступила в редакцию 13.04.2015 г.